

Людмила Кирилловна Анцигина

Родилась в 1948 году в Таре. Кандидат педагогических наук, доцент. Автор многих научных, публицистических статей, публиковалась в литературно-краеведческом альманахе «ТарЯне».

«ПОЕДЕМ НА ЗЕЛЁНУЮ* – ТАМ НИШТЯК!»

(размышления по поводу...)

Продолжим разговор о культуре, языке и речи, начатый в прошлом номере альманаха «ТарЯне» (вып. 5, с. 68–70), обратив особое внимание на активное использование в обществе тех форм национального русского языка, которые находятся за пределами литературного.

Остановимся на так называемой народно-разговорной речи, которая характерна и для города, и для сельской местности. Народно-разговорная речь охватывает всё в окружающем нас мире: природу, человека, его труд, материальную и духовную культуру, предметы, действия, качества. В литературном языке есть толкование всему, но народное слово зачастую более ёмкое, крепкое. Что ни слово, то перл!

«Выражается сильно русский народ... Произнесённое метко, всё равно что писанное, не вырубливается топором. А уж куда бывает метко всё то, что вышло из глубинки Руси...». Эти слова Н. В. Гоголя очень точно подмечают особенность повседневной речи народа.

Каждое слово – целостный портрет, в нём отражается и внешний облик, и внутренний мир личности. О красивой, крепкой девушке в народе скажут: «*Ну и девка, как завёртка*», о парне – «*Как кочеток идёт*». Тщедушно-го, маленького человека назовут *мухортик*, неопрятного – *чугреем*, неловкого – *лябозей*,

*кокосей***, кто любит пакостить – тот *вреди-на*. Для беспокойного, норовистого человека тоже есть определения в народной речи: *глумной*, *лыско*. Разговорчивого назовут *вожеватым*. Если кто окажется любителем пустых разговоров, назовут *балаболкой*; *гулёна* – это тот, кто дома почти не бывает, дел не знает. Одно слово, *дурында*, дурью мается, а *жальливым* назовут человека, жалеющего всех и вся. Про нерасторопного скажут *кулёма*, а про больного – *лядящий*.

Когда-то мы со студентами анализировали особенности речи жителей села Мартюшево Тарского района и тоже нашли много интересного. Прежде всего, это связано с историей заселения нашего региона.

Как пишет Болдырева Т. В., в 1879 году из Красноуфимского уезда Пермской губернии вышли в Сибирь искать вольных мест пять ходоков; случайно они нашли участок около деревни Баженово Бутаковской волости и причислили себя и своих доверителей к этой деревне. Так появилось Мартюшево. В 1880 году в эти места пришли ещё двадцать семей, образовав самостоятельный посёлок в урмане на правом лесистом берегу реки Уй, впадающей в Иртыш. Глухой урман тянулся на сотни вёрст, теряясь в Васюганской и Приобской тундрах. Назад в Россию вернулась только одна семья и одинокий старик [1, с. 56].

Впоследствии на территории современного села обосновались жители, приехавшие из разных мест российского государства. Процесс заселения сибирской территории проходил стихийно, правительственные меры лишь в отдельных случаях оказывали на него влияние. Переселенцы самостоятельно выбирали участок для поселения. Основная причина переселения крестьян в Сибирь – ухудшение положения на родине, увеличение косвенных налогов, тяжесть ре-

* *Поехать на зелёную*. Выражение появилось в языке жителей Мартюшево сравнительно недавно, широко распространено и означает поехать на природу.

** *Кокося*. Одно из самых необычных слов местного диалекта, знакомое каждому жителю села. Старожилы вспоминают, что был в Мартюшево дурачок, которого звали Костя. Костя заикался и, когда его спрашивали: как тебя зовут? – отвечал: Ко-ко-ся. Так слово навсегда осталось со значением недотёпа, глупый человек.

крутских наборов. Рост числа переселенцев был связан также с сокращением крестьянского землепользования в России. Форма землепользования у переселенцев была старозаимочная (и пахота, и сенокос). Усадьбы находились в подворном пользовании.

Переселенцы попадали и в особую языковую среду, так как в Сибири уже к концу 17 века сформировался сибирский старожильский говор (в основном на базе севернорусских и казацких диалектов), который не только не связан с «ломаносовским» вариантом русского языка, но гораздо древнее «литературного русского». Здесь северные говоры впитали лексику сибирских народов, главным образом тюрков и монгол, однако влияние местных языков лишь обогащало диалект, не меняя его древней восточнославянской природы [3, с. 47]. (Русскую речь той или иной местности в сочетании её общерусских и местных особенностей принято называть местным говором или диалектом).

К наиболее ярким особенностям лексики сибирских говоров относят несколько групп собирательных существительных, которые и по сей день бытуют в нашей местности: *ребятня*, *сырында* (то же, что ребятня), *мелкота*, *мелузга*, *сорочьё* (шумящие дети), *народ*, *толпа*, *ватага*, *табун*; *блехота*, *мухота*; *молодёжь*, *холостёжь*; *жердник*, *кряжник*; *девьё*, *картовьё*, *кряжьё*, *старичьё*, *сибирячьё*, *кержачьё*, *слепотьё*, *дурьё*, *рваньё*, *гольё*, *дядевьё*, *комарьё*, *листьё*, *ремешьё* и т. д.

На протяжении 20 века сибирские диалекты вымирают под давлением официального русского и в связи с уничтожением крестьянства как основного носителя диалекта. В то же время с середины 20 века начинается их научное изучение. В вузах на языковых факультетах был введён предмет «русская диалектология».

Но вернёмся к предмету нашего разговора. В лексике народно-разговорной речи жителей села Мартюшево в основном встречаются областные (диалектные) и просторечные слова, которые отлича-

ются друг от друга не только интенсивностью, но и качеством своей стилистической окраски (*баланда*, *бандюган*, *вахлак*, *вездесуйка*, *верхонки*, *докандыбать*, *кандибобер*, *кабысдох*, *куделька*, *орать дурниной*).

Сельским жителям иногда известен литературный синоним, но слова, носящие местную окраску, для старожилов роднее, так как всё, что касается семьи и дома, сельского труда, особенностей природы и быта, впитывается в сознание человека с самого рождения. Вот только некоторые группы. Может быть, и читатель найдёт среди них знакомые:

названия одежды, обуви, их частей (*запон* – фартук, *кухфайка* – стёганая ватная куртка, *катанки* – валенки, *паголяник* – верхняя часть шерстяного носка, *хурхур* – любая одежда);

названия кушаний и продуктов питания (*ества* – еда, *кулиши* – густой суп из пшена и сала, *крошево* – салат);

названия жилых и хозяйственных помещений, надворных построек и их частей (*загнётка* – отверстие в печи, *котух* – курятник, *поветь* – сеновал над хлевом, *подловка* – чердак, *творило* – крышка погреба);

предметы домашнего обихода (*бойка* – мухобойка, *бойничка* – маслобойка, *вица* – хворостина, *городушка* – боковая часть железной кровати, *поставец* – посудный шкаф, *судомойка* – тряпка для мытья посуды);

названия действий человека (*бухикать* – очень сильно кашлять, *гребовать* – брезговать, *прилабуниться* – что-нибудь кушать, не отрываясь, *посулить* – пообещать, *пособлять* – помогать) и т. д.

Какие-то слова, используемые в речи местных жителей, приобрели новое значение: *робеть* – неметь («Зубы у меня робеют от холодной воды»). *Нахохлиться* может обидевшийся человек, а вовсе не птица («Что сидишь, нахохлилась, ничего обидного я не сказала»).

Выяснилось, что состав лексики жителей села зависит от возраста. Так, в речи Степаниды Степановны Майстренок (когда её

записывали, ей было 86 лет) диалектные слова занимали более половины лексикона: *обстучать капусту* (спустить верхние листья), *общественная женщина* (активная), *белокровка* (молокровие), *опарош* (вилок капусты), *переневольтиться* (устать), *быть в отходе* (работать в чужой стороне).

Народно-разговорная речь любого сельского поселения отражает его историю, культуру, самобытность, экспрессивность, заслуживает бережного отношения и сохранения.

В последние годы ситуация изменилась, и всё чаще сельские жители перебираются на постоянное место жительства в более крупные населённые пункты, города, где народно-разговорная речь имеет свои особенности. Здесь встречаются слова, которые мы выявили и проанализировали в Мартюшево, но основу народно-разговорной речи города составляет всё-таки сленг. Учёные-лингвисты Омского госуниверситета Б. И. Осипов и А. Б. Мордвинов определяют его «как разновидность речи с завышенной экспрессивностью: языковой игрой, модной неологией, подчеркнутой фамильярностью» [2, с. 14]. Часто сленг бытует в определённой профессиональной или социальной среде, более всего в молодёжной (но не только!).

Речь идёт не о проникновении отдельных элементов сленга в обычную речь, не о количественном их росте в тот или иной период, а о новом качестве сленга как своеобразного стиля речи в новую эпоху развития национального языка.

В связи со сказанным хотелось бы подчеркнуть: наш язык так устроен, что в нём всегда есть потенциал обновления. И каждое поколение этим пользуется, пытаясь сделать его отличным от того, которым пользуются предыдущие: родители, бабушки и дедушки. С точки зрения психологии всё имеет своё объяснение: поколенческая солидарность, которую можно решить с помощью языка. Давайте прислушаемся!

Если вы спросите собеседника того или иного возраста, сможет ли он узнать «своих» по нескольким словам, то получите положи-

тельный ответ и список этих слов-маркеров. Ведь меняется окружающая действительность, а с ним и некоторые реалии. Только поколение 1940–60-х годов помнит такие слова, как *непроливайка* (*непроливашика*), *клякса*, *промокашка* и пр. Им понятны рассказы детских писателей тех лет В. Драгунского, Н. Носова, стихи А. Барто и др. Ученики следующих поколений уже писали *шариковой ручкой* и *заправляли стержни*, а не носили *чернильниц* в сшитых мамой мешочках. По-разному представители разных поколений называют профессии, деньги, родителей, одежду, дают положительную оценку чему-либо: в 50-е молодёжь говорила *железно*, в 60-е – *законно*, позднее их сменили *классно*, *клёво*, *круто*, *ништяк*, *прикольно*, *респект*. А как на молодёжном сленге сказать *безразлично*? Слышим: *до лампочки*, *до фонаря*, *по фиг*, *по барабану*, *фиолетово*. А как человека обозвать? Что писали и пишут сейчас на заборах или в подъездах? В наше время – *дурак*, потом его сменили *козёл*, *лох*, *лошара*, *чепушила*... Если раньше клуб был чаще всего сельский или заводской, то сейчас значение изменилось: *клуб* (*клубешник*) – это место, где не отдыхают, нет, а *зависают* или *оттягиваются* молодые люди.

Различаются поколения и по употреблению таких слов, как *байкер*, *рокер*, *рэпер*, *паркуррист* (*паркурщик*), *граффитчик*, *панк*, *гот*, *скейтер*, *толкиенист*, *брейк-дансер*, *вэйпер*, *поттерман* и др. Значения некоторых я не знаю, но их можно найти в словаре «Молодежный сленг: Толковый словарь: около 20000 слов и фразеологизмов» (М., 2009). Кто-то возмутится: «Да мы так не говорим!» Возможно. Но ясно видно: словечки-маркеры принадлежат поколению нынешних молодых, не выпускающих из рук *гаджеты* и общающихся чаще всего по *инету*. Тем самым появилась возможность словам сленга проникать и в письменную речь.

Не всё нравится старшему поколению из лексикона, манер, да и образа жизни современной молодёжи, но это тема для другого разговора. Я же в заключение хочу выразить

восхищение способностью нашего языка отметить словами-индикаторами каждое новое поколение и каждую субкультуру. Наш национальный язык многолик. Значит, есть объект для удивления, наблюдения и, конечно же, изучения.

Литература

1. Болдырева Т.В. Населенный пункт Тарского района Омской области: опыт исторического развития (17–20 вв.) / Материалы научно-практической (заочной) конференции. – Тара, 2006. – С. 56–64.

2. Мордвинов А. Б., Осипов Б. И. Учебная практика по изучению народно-разговорной речи города: Программа и методические указания для студентов филологического факультета. – Омск, 1990. – 22 с.

3. Садретдинова Г. А. История заселения русскими Западной Сибири в связи с изучением сибирских старожильческих говоров // Диалектологические и историко-лингвистические проблемы. Омск, 1999. – С. 62–84.